

Анархизм и религия

Макс Неттлау

1930

Единственная связь между религией и анархизмом состоит, по моему мнению, в том, что они занимают места на противоположных полюсах человеческой эволюции. Религия, в ее ранних, начальных формах, развивалась на первых ступенях эволюции, а анархизм, в его многообразных формах, на позднейшем этапе развития человечества. Ибо религия возникла из потребностей первобытного человека защищаться против многих непонятных ему сил природы и вести борьбу с ними. Для этого ему требовалось истолкование этих сил, дающее представление о них. Он судил об этих силах, как судил о людях, принимая в соображение их силу, их волю, их цель. Он приписывал подобную же злую силу и недобрую цель силам и явлениям природы, действовавшим вокруг него. Так же он понимал животных, считая их своими врагами во всех случаях, когда они не являлись его жертвами или добычей. Он не только сражался с ними, но и пытался умилостивить их с помощью различных форм культа, устанавливавших связь с животными, почитание их и бережное отношение к ним.

Помимо хитрости, нападения или защиты, метод умилостивления неизвестных сильных врагов состоял в том, чтобы либо сражаться с ними, если это возможно, либо признать их превосходство путем всех видов покорности, от раздела власти с ними, до униженной покорности и приношения дани, напоминавшего жертвоприношения божествам. Эта иерархия людей и сил природы (а также, на протяжении долгого времени, и почитаемых сильных животных) вела во всех случаях к тому, что из нее выводили общие законы и обычаи и создавали охранителей их. Эти законы и обычаи никогда не шли очень далеко против интересов вождей и жрецов и всегда были более или менее согласованы между собой. Материальные интересы вождей освящались жрецами с помощью соответствующего истолкования божественной воли — и обратно, за счет всего остального племени.

Из этого тройного ряда властей — вождей, жрецов и высших животных — группа вождей стала выделяться по мере того, как население становилось гуще, личные потребности возрастали, и все шире развивались торговые отношения, делая собственность более ценной в силу ее редкости. Власть вождей превращалась в чрезвычайно развитую систему политического и экономического господства сильного и богатого. Власть жрецов, вначале бывших только искусственными лекарями, воз-

высилась до священной сферы абстрактного, к большой выгоде жрецов. На первых ступенях общественного развития ждали материальных результатов от предполагаемого искусства жрецов умиловать божества. С того же момента, когда их деятельность поднялась до строгой сферы молитвы и внутренних чувств, никто уже не мог проверить результатов возносимых жрецами молитв, а это было много удобнее для благоденствия жрецов и увековечения их духовной власти. Только животные, не имевшие прямых представителей среди людей, были брошены, и лишь некоторые выражения — «мудры, как змии» и тому подобные — напоминают нам о былом равенстве животных с вождями и божествами.

Религия, таким образом, может быть определена, как наиболее ранняя попытка истолкования природы людьми, бывшими совершенно невежественными и неразвитыми. В их умах сохранились следы того, что думали их животные предки до того момента неуловимого, как математическая точка, — когда они перестали быть животными и стали считаться людьми. Ибо мы замечаем, что естественные явления, неизвестные материальные факторы, неожиданные события оказывают сильное влияние также и на животных. Таким образом, путем накопления бесконечно малых увеличений интеллекта, на протяжении долгого времени, эта дифференциация вела к постепенному развитию первобытного дикаря и к превращению его в современного дикаря высшего типа, который двенадцать лет тому назад, в 1914-18 г.г., истребил каких-нибудь десять миллионов своих братьев в мировой войне и который далеко еще не излечился от готовности к новым массовым убийствам.

С другой стороны, анархизм изо всех сил спешит уйти от примитивного прошлого и стремится к максимуму понимания и управления силами природы во вселенной и к их полезному применению, то есть к величайшему возможному совершенству науки и прикладной науки, техники. Он стремится также сделать людей самими собой, по личному почину создающими коллективы, храмы знания, исследования и взаимного благоволения, — всего того, что хорошо для индивида, для общины и для человеческого рода. От законов, изданных и проводимых властью вождей, королей, парламентов, от моральных правил, провозглашаемых жрецами, анархизм идет вперед к людям, становящимся своими собственными законодателями, создающими свои обычаи и привычки в согласии со своим собственным опытом, вдохновляющимся разумным и бескорыстным чувством дружелюбия ко всем людям. Уже много раз было сказано, но надо еще раз сказать, что анархизм не стремится ввести какой-нибудь новый, искусственный элемент в человеческую и социальную жизнь, т.е. он не желает навязывать что бы то ни было, даже самого себя, он только стремится строить на прогрессивных элементах в человеке. Эти элементы существуют на деле, ибо, начиная от пещерного жителя и вплоть до симпатичных людей нашего времени, которых каждый встречает даже в нынешней жалкой жизни, всегда была потребность усилить и подкрепить эти тенденции к уходу от прошлого и к развитию в направлении к свободе и солидарности.

Итак, на этом пути религия оставлена позади так же, как власть и привилегия, как невежество и предрассудки, как насилие и покорность, как нетерпимость и многие другие мощные, но роковые и бесконечно вредные факторы мрачного прошлого. Эти силы реакции образуют сплошную фалангу, но противодействующие им прогрессивные силы образуют такую же фалангу — свободу и равенство, науку и независимое

исследование, взаимное доброжелательство, независимость и терпимость. Много недоразумений и неудач возникает от смешения этих двух рядов — ретроградных и прогрессивных сил. Скрещение их может быть неизбежно, ибо люди несовершенны и ими владеют многие стремления, но мы всегда должны стремиться к лучшему. Мы можем заблуждаться и уклоняться от правильных путей вследствие ошибки или слабостей, но мы не должны возвышать наши ошибки и превращать их в принципы и в правила поведения, — вот чего нельзя простить и вот что надо останавливать и подвергать критике с помощью аргументов.

Не может быть безусловной уверенности в том, что эволюция примет такое направление, и возможно, даже вероятно, что в отдаленном будущем человеческий род станет вырождаться, или что земной шар будет поставлен в такие условия, которые сделают медленное разрушение или катастрофический конец неизбежными.

Ледниковые периоды уже бывали в истории, и ни одна звезда не защищена против окончательного исчезновения или перегруппировки ее составных элементов. Однако, на протяжении очень многих веков жизни человечества, доступных нашему исследованию, наблюдается огромный интеллектуальный и социальный подъем, и все это в направлении, указанном выше. Нет оснований ожидать, что все это изменится или остановится как раз в наше время, когда великие затруднения стоят перед многими народами и когда высоко поднялась реакционная волна, которая, как и всякая волна, спадает, ни в каком случае не являясь еще предвестником интеллектуального и морального ледникового периода.

На самом деле происходит то, что огромный прогресс последних 150 лет в растущей степени проникает в отсталые части человечества, в его огромное большинство, хотя не привлекает это большинство целиком на сторону прогресса, но заставляет его трепетать за свою безопасность, за пользование властью и привилегией, средствами эксплуатации других людей и содержания их в невежестве. Короче говоря, все реакционные силы, которым до конца XVIII века бросали вызов только свободные мыслители и бунтари, которых за это угнетали и сокрушали, теперь постепенно встречают сопротивление целых населений — политически, и многочисленных отрядов эксплуатируемых масс — социально. Это вызывает сильнейшее сопротивление реакции, и она приводит в движение» небо и землю, чтобы сохранить под собою почву. В эти годы мы находимся в центре этой отчаянной борьбы.

Чарующим зрелищем является ход освобождения человечества в течение этих 150 лет и, в меньшем масштабе, ход этого освобождения из века в век в прошлые времена. Но было бы благоразумно изучать одновременно и постоянные усилия тех, кто старался остановить ход этого процесса, чтобы закрепить порабощение людей. Мы слишком легкомысленно представляем себе, что инквизиция — дело прошлого, что ведьмы более не предаются сожжению, что пытки отменены (так ли это?), что торговля неграми и крепостничество более не существует, что свобода совести и свобода слова завоеваны и что, одним словом, старый режим умер и похоронен. Мы слишком мало наблюдаем, ибо предмет этот для нас неприятен. Против прогресса велась отчаянная, фантастическая, хитроумная борьба — монархическая, аристократическая, аграрная и всякая иная борьба, путем настойчиво ведшейся пропаганды, то явной и шумной, то скрытой и неслышанной, переходившей, при всякой возможности, к диким приемам и праздновавшей жестокие триумфы торжествующей мести.

Борьба за свободу подрывалась или отравлялась. Освободительное движение встречало систематическое сопротивление со стороны Вандеи, эмигрантов, британских антиякобинцев, французской «пропаганды» (иезуиты), мистиков реставрации, вплоть до реакционных сил, повсюду действовавших, как роса, на пробужденные народы 1848 года в Европе, вплоть до клерикальных сил, организованных против всего, что было свободомыслящего в Европе 60-х и 70-х годов прошлого века.

В других случаях, антисоциализм, махровый национализм, огромный антисемитизм, жадность аграриев (повышение цен на съестные припасы) — все это систематически направлялось и организовывалось с помощью больших денежных сумм и при значительной правительственной и капиталистической поддержке. Все либеральное, свободомыслящее, социалистическое, каждый аргумент и каждый идеалистический призыв разбивались об эту стену организованной реакции, недоступной убеждению и вовсе не считавшей себя связанной какими бы то ни было правилами честной борьбы. Лишь более пристальное изучение всего этого объясняет, почему, с наступлением войны 1914 года, большая часть свобод, считавшихся окончательно завоеванными, была аннулирована. Когда война окончилась, то все ожидания, что эти свободы будут восстановлены, во многих случаях оправдались лишь в слабой степени, в то время как реакция, бесспорно, делала успехи, и целые цветущие страны, бывшие наиболее радикальными центрами на протяжении целых поколений, как Италия, были сравнительно легко и быстро поставлены на службу реакционному режиму неслыханной грубости — фашизму. В других странах фашизм нашел многих сочувствующих, даже восторженных поклонников и подражателей.

Стало быть, не совсем неожиданно все это встало на пути прогресса. Свирепая борьба началась с восстаний против Французской Революции, — если не с попыток иезуитов, организации которых были в нескольких европейских странах в прошлом поколении и которые организовали реакцию, чтобы вернуть себе утраченное. Эта борьба все еще свирепствует среди нас сильнее, чем когда бы то ни было. Несколько европейских стран находятся в лапах этих элементов в настоящее время, в их же щупальца попали большие южно-американские республики. Повсюду реакционные силы надеются остановить ход прогресса. А что произойдет потом — показывает судьба Италии с 1922 года.

Религия, власть и собственность — становой хребет этого перманентного, никогда не складывающего оружия контрреволюционного движения, и представители каждой из трех перечисленных сил знают, что их интерес общий и один и тот же. Деньги, власть и фанатизм являются, таким образом, страшным врагом, внутренне объединенным. Тот, кто стал бы бороться против одного из них, сделал бы ошибку. Это и случилось с европейским либерализмом, боровшимся с политической реакцией и клерикализмом, но желавшим сохранить собственность — он был, и сейчас остался, почти уничтоженным. То же самое случилось с авторитарным социализмом, — борясь против собственности, но стремясь к власти для себя и считая, что он очень умно поступает, оставляя религию в стороне, весь европейский социализм оказался в неустойчивом положении. При всех своих избирательных успехах, получая на выборах голоса почти всей массы рабочих, социализм имеет против себя не только капиталистов, но и всю массу клерикальных крестьян, и бессилен даже там, где он, как будто бы стоит у власти. Антиклерикализм, свободная мысль, сами

по себе также не могли оказать влияния на ход событий, и римский папа, мишень нападок либеральной Италии на протяжении нескольких поколений, побратался с Муссолини и, два года тому назад, стал святыней в Италии.

Религия, таким образом, во всех своих организованных формах оказалась жестоким и неутомимым врагом прогресса и ничем иным и быть не могла. Ибо она, даже в своих позднейших формах, продолжает поддерживать те самые взгляды, которые были сформулированы тысячи лет тому назад. Если и были нововведения, то они были продуктом отдельных индивидов, как, например, авторы мормонской библии сто лет тому назад, или авторы «исправленной» библии, с которыми я случайно познакомился и которые, может быть, все еще живут среди нас. Чтобы заставить народ поверить во все это в XIX или XX веке, необходимо, чтобы это было сделано в ранней молодости человека, когда он не обладает еще ни критическим смыслом, ни историческим и научным знанием. Далее требуется, чтобы взрослые люди, воспринявшие такие верования в детстве, были бы постоянно укрепляемы в них. Их надо удерживать от соприкосновения с современным научным знанием, а где можно, то и внушать им недоверие и презрение к знанию, результату исследований специалистов в каждой стране, за которыми непосвященные не могут уследить, но которые — по крайней мере, главные новейшие открытия — очень скоро становятся общим достоянием всех образованных людей на всем земном шаре.

Только путем систематического содержания детей и взрослых в таком невежестве могут клерикалы школ, университетов и прочих рассадников организованной религии поддерживать свои религиозные системы — совершенно так же, как самодержавные монархи заставляют умолкать голоса либералов, а капиталисты повсюду удушают каждый социалистический голос, и все вместе делают все возможное, чтобы анархизм никогда не мог возвысить свой голос. Эта позиция религий во всем мире ни в какой мере не может быть оправдана тем, что среди верующих можно насчитать несколько прогрессивных и социально мыслящих людей. В прежние времена церковь устраняла таких еретиков самыми жестокими способами. Но вот уже несколько поколений, как такие разновидности верующих стали допускаться церковью, то получая от нее признание, то отрицаясь ею, то пользуясь ее поддержкой, то принуждаясь к молчанию, смотря по требованиям духовной политики. В некоторых случаях от скрещения со свободной мыслью нарождались либеральные протестанты и католики, а от скрещения с социализмом нарождались искренние реформаторы, которых церковь не любит и выбрасывает из своей среды. То скрещение с зажиточными крестьянами, мелкой буржуазией и государственной реакцией, которое во многих странах выдвигает христианско-социальную разновидность, полезно и Церкви, и Собственности, и Государству, и оно очень модно теперь в Европе. Я наблюдал все эти разновидности много лет и думаю, что они являются современным авангардом реакции: если сюда попадает настоящий социалист, то видит, что здесь нет места для него. Как нет белых воронов, так нет прогрессивных религиозных деятелей, а если и есть исключения, то рядом с каждым социалистом, или даже анархистом, оказываются сотни тысяч равнодушных или даже реакционеров. В серьезных вопросах исключения не могут перевесить того, что является правилом.

Поэтому, как только религия появляется в качестве активного фактора, она оказывается нашим открытым врагом, иначе и быть не может. Если ваш лучший друг

предложит вам велосипед, изготовленный в 1870 году, или автомобиль производства 1890 года, то вы вежливо откажетесь от такого товара, и будете считать вашего друга человеком заблуждающимся или плохо осведомленным. Если религиозный человек представит вам создание вселенной, как оно было изображено авторами библии 2000 лет тому назад, вы почувствуете, что телескопы, и математические вычисления современных астрономов дают больше гарантий точности и будете рассматривать библейские толкования, как вы рассматриваете рассказы, собираемые этнографами, — как интересные образцы древнего фольклора. Вы, может быть, понимаете механизм ваших часов, но ваш маленький сын его не понимает, (как и я сам не понимаю его), и потому все такие мнения необразованных людей нашего времени или прошлых веков не идут в счет.

Мы знаем тысячи религий или подобных религии верований и, вероятно, сотни тысяч божеств, и нам известно о ранних народах, считавших одушевленными и приписывавших силу творить добро или зло значительному числу деревьев, рек и так далее. Общепринят тот взгляд, что уменьшение числа этого множества божеств до одного божества является большим достижением прогресса, а многие считают это достижение конечным достижением прогресса. По моему мнению, монотеизм был реакцией, отвечающей росту абсолютной власти монархов и государств. Эта власть становилась более сильной с ходом времени. Грубый восточный деспотизм и греческий федерализм проложили себе дорогу к еврейской и римской моно-государственности. Деспотизм сокрушил многих местных богов и поставил единое Государство-Бога рядом с Богом-Государством. Мы все еще живем в этом государственном периоде, и со стороны государства Бог всегда в безопасности. Французская Революция дала ему специальный диплом на право быть Верховным Существом, которому республика разрешила поклоняться.

Русская революция на ее нынешней ступени привела к такому могуществу государства, что она отказывает богу в разрешении на существование. Всякое такое соперничество между государством и «богом» является внутренним делом соперничающих деспотических фикций, и это соперничество не может интересовать современных людей, которые думают, что пора уже отослать обоих — и бога и государство в этнографический и исторический музей.

Есть люди, подчеркивающие недостаточность и изменчивость результатов науки и отсутствие исчерпывающего решения всех научных проблем о вселенной. Очевидно, что никогда не придет день, когда ученый напишет последнюю строку какой-нибудь книги и скажет интервьюеру, что ныне разгадана последняя загадка вселенной, что отныне наука все знает и что, следовательно, отныне будет уже безопасно сомневаться в библейском рассказе о сотворении мира. Есть в наши дни и такие люди, которые считают, что вся наука оказалась несостоятельной, ибо Эйнштейн доказал, что она во всем не права, будучи только «относительной» — и на этом кончается осведомленность большинства таких людей об Эйнштейне.

А поэтому наука объявляется не имеющей значения, тогда как на самом деле наука только в XVII веке могла приступить к исследованиям с некоторой долей безопасности от клерикальных преследований и стала пользоваться полной свободой и общественной поддержкой, а также усовершенствованными инструментами, только начиная с первой половины XIX века. Утверждения книги, написанной тысячу лет

тому назад, в десять тысяч раз менее ценны, чем некоторые современные и временные результаты или гипотезы. Бесплезно долше спорить с людьми примитивного умственного развития, продолжающими считать библию выше науки. Я упоминаю о них только потому, что такие люди встречаются среди нас массами, влияют на общественные дела и удерживают общественное мнение на чрезвычайно низком уровне. Очень часто такие люди агрессивны и увлекают за собой равнодушных, увы, входящих в союз Религии, Собственности и Власти.

Разумеется, многие готовы пройти мимо всего этого и подчеркивают значение религии, как наиболее пригодного механизма для внедрения моральных доктрин и для поддержания добропорядочного поведения среди молодых и старых людей. Так было в допотопные времена, когда животные инстинкты постепенно превращались в человеческие обычаи. Это было действительно важно, ибо обычаи смягчали (как я думаю) силу инстинкта (приобретенные привычки). Свобода действий (отличающая людей от животных) не имела возможности развиваться в более широкую и подлинную свободу (сознательную и социальную). Она как будто требовала принуждения и, таким образом, (а отчасти также путем защиты слабого против опасности) возникла власть — сначала среди людей, а потом она стала приписываться также обожествленным силам природы и наиболее сильным животным. Племенной «свод законов» стал, таким образом, строже применяться, так как ему стало приписываться божественное происхождение, и он был поставлен выше споров и поправок (за исключением тех случаев, когда это требовалось в интересах власти).

Разве мы не выросли из этого примитивного периода, не переросли его? Религиозные люди хорошо это знают. Умеренные люди наших дней придерживаются социальных принципов, возникающих из социальной жизни и из их собственного сознания. Религия ничего не может им сказать такого, чего и без того не знал бы живущий приличной жизнью человек. Зато религия сообщает им много бесполезных знаний и сама она давно уже превратилась в воскресную церемонию. Так ее понимает множество религиозных конгрегаций, не имеющих практического влияния на общественную жизнь.

Все выше сказанное правильно также относительно религий, при которых люди, находящиеся под влиянием религиозных верований, объявляются пророками, мистиками, ясновидцами и т.д. Исходя из других сведений, исследований или самостоятельной мысли, эти люди создают религии, как поэты создают поэмы, или как романисты пишут романы, и все такие продукты творчества могут найти друзей, спешащих откликнуться на такие учения. Так как подобные ясновидцы в некоторых случаях обладают моральной силой, позволяющей им подняться над ортодоксальной религией и так как ими движут бескорыстные мотивы, то их творчество может быть открыто для социальных или даже либертарных чувств, но какое может это иметь значение? Нормальные люди всегда будут иметь другие способы для ознакомления с такими идеями. Люди, создающие эти идеи, не могут, по-видимому, сами себе помочь, но это их частное дело.

Что касается претензий учителей оккультизма, например теософов, связать свои доктрины на протяжении веков с древними доктринами, символами и прочее, то возможно, что существуют подпочвенные связи, известные или вновь открытые, или являющиеся предметом более или менее вероятных гипотез. Чем древнее и чем

более устойчивее такие заявления и доктрины, тем меньше их ценность, ибо давно известно, что наиболее древние учения являются, как правило, и наиболее отсталыми, и наиболее ошибочными. Нет сомнения, что в каждом организме, в том числе и в человеке, по необходимости очень значительно число разнообразных действующих сил природы, дающих импульсы изнутри, или получающих импульсы извне, ибо нет линий, полностью отделяющих одни организмы от других. Но об этом мы знаем бесконечно мало, и если специалисты по оккультизму или их древние предшественники знают больше, то совершенно невероятно, чтобы такое знание осталось до сих пор «оккультным».

Во все времена были люди, чувствовавшие, что существует подсознательная деятельность, и над некоторыми людьми, одаренными исключительно тонкой организацией, были сделаны наблюдения. Но все это дело чистого научного исследования. Моральные и эмоциональные идеи, основанные на таких (оккультных) доктринах, не имеют никаких собственных заслуг. Это правильно в применении, между прочим, к утверждению о том, что зло, причиненное в предыдущей жизни, искупается в нынешней жизни, или о том, что зло, содеянное в нынешней жизни, будет искуплено в будущей жизни. Это правильно также в применении ко всей фикции о метапсихозе (переселение душ из тела в тело). Это — произвольное видоизменение фикции о рае и аде, существующей во многих религиях. Все эти фикции о «загробной жизни» возникли из работы мозга во время сна человека, из сна, во время которого мы приходим в соприкосновение с отсутствующими людьми, с живыми или мертвыми знакомыми и многими незнакомыми, и который ставит нас самих в странные, а часто и физически невозможные положения. Вся религия целиком может быть построена на этой основе. Загробная жизнь и фикция о душе несомненно возникли в этом богатом мире, который столь странным образом сопутствует нашей повседневной жизни.

Во многих людях живет такое ощущение, как будто (по их словам) эта безбрежная Вселенная или этот сложный земной шар должны иметь творца и направляющую мысль. Но это — пустая словесность, ибо «создатель» бесконечной Вселенной должен быть больше Вселенной, а его, в свою очередь, некто еще больший должен был раньше создать и воспитать и снабдить его материалами и инструментами, и так до бесконечности, а это — пустая болтовня...

Где бы мы ни повстречались с религией, мы видим, что она безнадежно погрязла в примитивной нейтральности. Эта фаза соответствует первым попыткам интеллекта разобраться в необъяснимых явлениях природы, попыткам ребенка одушевить куклу или склонности дикаря приписывать душу часам, когда они слышат, как часы тикают. И так далее. Только потому, что религия является таким превосходным орудием для выражения желаний власти для того, чтобы держать народ в умственном детстве на протяжении всей жизни, и для того, чтобы удовлетворять их жалобы путем обещаний, подлежащих осуществлению в воображаемом раю, имея платоническое удовлетворение думать о том, что угнетатели народа будут жариться в воображаемом аду, только будучи таким образом, вплоть до сегодняшнего дня, орудием власти, собственности и реакции, только таким образом религия смогла сохраниться в виде пережитка и остаться препятствием, барьером на пути прогресса.

са, как союзник тех, кто желает держать человечество в угнетении и невежестве, бедности и покорности воле угнетателей и эксплуататоров.

* * *

Отношение социалистов к религии было чрезвычайно различным, не к выгоде для нашего общего дела. Нет сомнения, что новые религии строились по большей части на более прочном базисе, чем старые религии, которые они стремились заместить. Так поступило христианство в противоположность иудаизму, язычеству Греции и Рима и восточным религиям. Мы знаем, как быстро этот примитивный идеализм, смешанный с кое-какими социальными учениями, пришел к концу и уступил место официальной римской церкви. Все европейские бунтари средних веков собирали своих приверженцев более или менее во имя восстановления первоначального идеала христианства. Так поступали христиане во время своих восстаний и анабаптисты XVI века. Французская революция имела против себя священников, ибо она выступала в качестве нарушителей их привилегий и посягнула на их богатства. Священники сумели придать их делу внешность народного дела и стали в позу мучеников, но после 1815 года они снова стали орудием самой жестокой реакции во Франции, Испании и Италии.

Протестантские церкви, в особенности же кальвинисты и английские пуритане, стали на сторону поднимавшегося капитализма и сделались духовными союзниками империалистических завоевателей. Они сочувствовали капиталистическому производству и суровому принципу «давай» и «бери», резко отличавшемуся от более добродушных нравов капиталистических стран, которые в то время были превзойдены протестантскими странами в виде накопления богатств. Ранние социалисты знали все это. Они видели, что религией пропитаны все бедные люди, католики или протестанты. Поэтому некоторые из них думали, что лучше будет не касаться религиозных мнений народа вовсе. Некоторые социалисты даже пытались выдать свои собственные учения за новую религию (Сен-Симон), или же связывали новейший коммунизм с примитивным христианским коммунизмом (Кабэ), или, как Роберт Оуэн и Шарль Фурье, — наиболее прогрессивные из социалистов того времени, — излагали свои собственные идеи независимо от их несовместности с религией (особенно Роберт Оуэн поступал так). В Англии, где религия заняла такую позицию в общественной жизни, начиная от Годвина и Оуэна, она мало влияла на социалистическое и рабочее движения, вплоть до 1848 года, пока христианские социалисты (сравнительно не очень ханжеского типа, вроде Кингслей и Ф. Д. Мориса) и Мадзини, с его теоретическим псевдосоциализмом, не овладели положением.

Во Франции после сенсимонистов, Ламенэ и Огюст Конт дали социализму 30-х и 40-х годов совершенно спиритуалистическую основу, и период 1848 года проходил под теми же влияниями. Только в 60-х годах молодые бланкисты и прудонисты подняли знамя самого решительного атеизма. То же самое сделал Бакунин в своих интимных писаниях, предназначенных для кружка ближайших друзей. Он считал существенной задачей подготовительную работу Интернационала, направленную к собиранию миллионов рабочих, готовых подать друг другу руки для борьбы с капиталом, независимо от политических и социальных мнений каждого рабочего и от его религиозных убеждений. Его революционный катехизис 1866 года (который не следует смешивать с документом 1869 года, относящимся ко временам Нечаева) начинается так:

«1. Отрицание существования реального, потустороннего, личного бога и, следовательно, всякого поклонения и всякого божественного вмешательства в дела вселенной и человечества. Уничтожение церковной службы и культа божества. 2. Заменяя поклонение богу уважением и любовью к человечеству, мы объявляем человеческий разум единственным критерием истины, человеческую совесть основой справедливости, индивидуальную и коллективную свободу — единственным творцом порядка в жизни человечества...»

Те же самые принципы «международного революционного общества» называют среди существенных условий нового общественного порядка:

«Коренное уничтожение всякой официальной религии и всякой привилегированной или хотя бы только защищаемой государством, оплачиваемой государством и содержимой государством церкви; полная свобода совести и пропаганды для каждого с неограниченным правом для каждого воздвигать в честь его богов, каковы бы они ни были, столько храмов, сколько он желает и оплачивать жрецов его религии;

«Церкви рассматриваются, как религиозные корпорации, и не будут пользоваться никакими правами, присвоенными производительным ассоциациям (они не могут ни наследовать, ни пользоваться сообща имуществом, за исключением их домов, или мест молитвы), и им не разрешается воспитание своих детей, ибо их единственная цель жизни — систематическое отрицание морали и свободы и прибыльное знахарство...».

В своей замечательной речи на Бернском Конгрессе (24 сентября 1868 года) Бакунин дал обзор преступлений религий и расцвета свободной мысли в исторической перспективе подлинной красоты. Он также выразил свой личный взгляд в заключительных словах:

«...Итак, кто хочет Бога, тот хочет порабощения человека. Бог и ничтожество Человека, или свобода Человека и уничтожение божественной фантастики. Такова дилемма, и здесь нет середины, поэтому мы должны сделать свой выбор...»

Но он также сказал: «...Религия — не только извращение мысли, она также, и, прежде всего, является страстным и постоянным протестом полноты человеческой сущности, бесконечного богатства человеческого сердца против узости и убожества жизни. Встречаясь на этой земле только с глупостью, несправедливостью и нищетой, человек в своем воображении создал призрачный мир, к которому он воссылает свои надежды, чаяния и свой идеал. Он сделал небо богатым, сделав землю бедной. Так была создана религия, и религия будет всемогуща до тех пор, пока неразумность и несправедливость будут править на земле. Создадим же справедливость здесь, вернем земле то, что ей принадлежит — счастье и братство... чтобы разрушить религию, чтобы рассеять и заставить исчезнуть всю эту божественную фантастику, которая порабощает нас и делает нас столь грубыми и жалкими, интеллектуальная пропаганда недостаточна — для этой цели необходима социальная революция».

Произведения Бакунина в период с 1867 г. до 1873 года содержат прекраснейшие мысли о теологических софизмах и о космогонических и антропологических исследованиях, основанных на известных в то время результатах науки в области истории земли, происхождения человека, развития религии и пр. Отсылаю читателя к его книгам: «Федерализм, Социализм и Антитеологизм», «Философские рассуждения о божественной фантастике, о подлинном мире и о человеке» и к той части большой

рукописной работы, которая была издана отдельно под заголовком «Бог и Государство».

Если бы это постепенное расширение Интернационала с 1864 г. до 1869 года, а также другие попытки Бакунина и его ближайших друзей собрать активных революционеров и вдохнуть в них целостное социалистическое сознание, волю, смогли бы развиться, то общий результат мог бы быть иным. При сложившихся же обстоятельствах, вследствие нетерпеливого желания Маркса увенчать организованный социализм своей собственной программой, и в силу того, что война 1870-1871 годов вызвала раздоры среди народов Европы и привела к обострению социальной борьбы во время Парижской Коммуны 1871 года, с её славным подъемом и жестоким уничтожением, — при всех этих условиях раскол социалистического фронта в 1864-1869 годах был ускорен, и полное разделение на два фланга последовало в 1872 году.

Начиная с того времени, авторитарные социалисты, превращаясь в политические социалистические партии с завоеванием власти путем выборов в качестве ближайшей цели, стали заботиться о приобретении голосов прежде всего и оставили религию в покое, объявив ее в своих программах частным делом (как это сделали немцы) или ограничились антиклерикализмом (как сделали французы). Дело свелось к отрицанию требований и нападок клерикальных партий вместо борьбы против принципа религий.

Английские социалисты на протяжении многих лет не имели избирательных успехов и охотно принимали в свои ряды религиозных социалистов, которые со своей стороны, обыкновенно, вели себя тактично, т.е. создавали отдельные маленькие организации, издавали собственные газеты и не пытались навязывать церковные доктрины основному ядру социалистов. Помимо всего этого, политические социалисты несомненно вели в своей среде кое-какую пропаганду в защиту свободной мысли, ибо активные религиозные организации были их заклятыми врагами и с ними надо было бороться. Это вмешательство духовенства в социальные движения создало партии социал-клерикализма, по внешности реформаторские, а в действительности глубоко антисоциалистические, руководимые духовенством, которое стояло за их спиной и дергало их за веревочку. Великий вред причинялся и до сих пор причиняется таким образом с целью отделить сельское население от городских рабочих и сделать их заклятыми врагами — такова последняя укрепленная позиция фанатизированной реакции.

Анархические социалисты со своей стороны развернули полностью свою программу атеизма, коллективизма, анархизма (как это сделал испанский и итальянский Интернационал). И, действительно, хотя никакой специальной пропаганды не проводилось, но как мог бы человек приобрести умственную свободу, необходимую для того, чтобы чувствовать себя анархистом, если бы он одновременно не освобождался от религиозной фикции? Здесь предстояло добиться тройного освобождения — интеллектуального (свободная мысль), социального (свободный доступ к производству и свободное пользование продуктами труда) и политического (безвластие, свободное взаимное соглашение). Это тройное освобождение представляет собою единое неделимое целое.

Наука сделала такие успехи со времени 40-х годов XIX века, что руководящая роль философии, достигнувшей полного расцвета при Гегеле, отжила свое время, и тео-

ретический материализм XVIII века — в духе учения Гольбаха — отныне уступил свое место материализму естественных наук — учениям Молешотта, Фогта, Бюхнера. Начиная с 60-х годов, руководящая роль перешла к эволюционной теории, представленной развивающимся дарвинизмом. На идее дарвинизма вырос Кропоткин и стал восторженным последователем его и самостоятельным наблюдателем. Он ввел социальные идеи (прогресс путем взаимопомощи) наряду с идеями, подсказанными капиталистической средой (прогресс путем соперничества и борьбы за жизнь) в социальные аспекты и выводы, построенные на росте естественных наук.

Нет места для Бога, «нет необходимости в этой гипотезе» ни в одной из этих наук или социальных идей — таков вывод, подсказывавшийся результатами наук. Эти результаты исправлялись в подробностях и росли вширь и вглубь из года в год, и враждовавшей с наукою теологии уж никогда более не удалось потрясти эти выводы.

Анархизм был и есть достаточно широк и достаточно крепко обоснован для того, чтобы быть в состоянии дружески приветствовать резкую критику Льва Толстого, направленную против политической власти и в то же время звать к социальной солидарности и не обращать никакого внимания на религиозные выводы Толстого. Анархизм может также оказать гостеприимство многим реформаторам, подобным толстовцам, крестьянским коммунистам (Голландия), Евгению Генриху Шмидту, Фредерику ван Эдену и многим другим антиавторитарным мыслителям и движениям с религиозным уклоном, соприкасающимся с более значительными и более цельными течениями анархизма. Чем более мы прогрессируем, тем менее будет возможно и желательно, чтобы все эти движения концентрировались вокруг общих программ, платформ и тому подобное, тем больше будет дифференциации.

Ввиду трудности доступа к полному анархизму для многих из тех, кто ныне привязан к авторитарной среде, незаконченность и отсутствие цельности взглядов будут здесь неизбежны, и эти недостатки не должны встречать высокомерного отношения со стороны счастливых обладателей законченного образования (какими себя считают некоторые люди), а наоборот, им надо оказать дружеский прием, чтобы закрепить подлинную солидарность, ибо всякая добросовестная попытка сотрудничества с нами всегда желательна.

Я не знаю, какие события или течения, после всего сказанного, делают это отношение анархистов к религии предметом спора в настоящее время в разных анархических группах. Спор идет теперь в Швеции, где христианские анархисты, посетившие Кропоткина в 1920 году, утверждают, что они открыли в нем религиозные склонности в ту эпоху. Я считаю это утверждение безусловной ошибкой и высказал это мнение на страницах стокгольмской газеты «Бранд». Никто не мог бы строже придерживаться точки зрения науки, какова она сейчас, и, следовательно, никто не мог бы быть дальше от «примитивных догадок» доисторических дикарей, из которых все еще состоит религия, чем Кропоткин.

Другой спор о религии завязался недавно в Нью-Йорке на страницах еврейской «Freie Arbeiter Stimme.» Есть еще московские мистические анархисты, с теориями которых я совершенно расхожусь и с претензиями которых, если они заявят такие претензии на универсализацию их доктрин в анархическом движении, я бы столь же решительно разошелся бы. Помимо того, какие возражения можно было бы выдвинуть против них, как дружественных и неполных разновидностей анархизма

на толстовской (или сходной с ней) либертарной основе? Они существуют, и мы не являемся инквизицией для уничтожения еретиков, желающих жить по-своему.

В своей исповеди 1851 года Бакунин дал императору Николаю поистине блестящую картину народного энтузиазма в Париже в феврале и марте 1848 года, после революции. Рассказав обо всех революционных известиях, получавшихся и восторженно приветствовавшихся, он заканчивает следующим гиперболическим парадоксом: если бы кто-нибудь стал распространять известие, что Бог был изгнан с небес и что на небесах объявлена республика, то народ, в своем безграничном энтузиазме, поверил бы этому известию и приветствовал бы небесную республику.

В наши же дни скорее можно сказать, что если бы распространилось известие о том, что на небесах объявлена диктатура и что Бог избран каким-нибудь военным диктатором, то этому известию могли бы поверить. Диктатуры носятся в воздухе, и религия благословляет Муссолини. В такие времена становится даже более возможным внедрение религии в анархизм. Теперь это более вероятно, чем в либеральные периоды. Вообще говоря, перед лицом общего расцвета авторитарного начала в эти годы, надо как можно тщательно охранять от этих влияний наши либеральные чувства и мысли. Там, где мы не можем завоевать новую почву новыми силами, мы, по крайней мере, не должны терять почвы вследствие халатности и беззаботности.

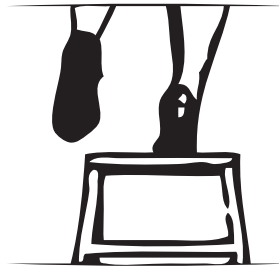
За девять месяцев до своей смерти Бакунин, с чувством удовлетворения наблюдая за борьбой с клерикализмом в то время, написал своему старейшему немецкому другу Августу Рейхелю в Берне (Лугано, 19 октября 1875 года):

«...Теперь мне кажется, что было бы опять полезно и необходимо поднять старый, забытый клич энциклопедистов: «раздавите гадину!» (то есть церковь) — и, как в дни моего старого фанатизма, когда я часто говорил: что вы толкуете мне о беспристрастии, мы беспристрастие предоставим Господу, — так теперь я опять начинаю очень мало заботиться об отвлеченной справедливости: все, что уничтожает поповство и попов, хорошо и правильно для меня...».

Таков совет умирающего Бакунина в момент, когда попы поднимали головы, и о котором надо вспомнить теперь, когда они, по-видимому, снова поднимают головы под крыльями нынешней всеобщей реакции.

1930

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Макс Неттлау
Анархизм и религия
1930

Сохранено 18 июля 2014 года из
http://www.xliby.ru/filosofija/anarhizm_i_religija/p1.php

ru.theanarchistlibrary.org